

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВНОСТИ В РОМАНЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А. С. ПУШКИНА В СРАВНЕНИИ С РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНЬЮ

ANALIZA PSIHOLOGICĂ A GELOZIEI DUPĂ ROMANUL “EUGENE ONEGHIN” DE A. S. PUȘKIN ÎN COMPARAȚIE CU VIAȚA REALĂ

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF JEALOUSY AFTER THE NOVEL «EUGENE ONEGIN» BY A. S. PUSHKIN IN COMPARISON WITH REAL LIFE

Валерий ПРОСТОМОЛОТОВ

доктор медицинских наук, профессор кафедры клинической психологии
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, факультет
психологии и социальной работы

Алина ПРОСТОМОЛотова

аспирантка кафедры клинической психологии
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, факультет
психологии и социальной работы

УДК: 159.923

Ключевые слова: психологический анализ; ревность; зависть; жизнь; художественная литература; персонаж.

Резюме

Статья посвящена сравнительному анализу ревности в художественной литературе, в частности «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, и в реальной жизни. Мы руководствовались рекомендациям двух классиков – К. Леонгарда и Ганнушкина – что в художественной литературе в изобилии встречаются замечательные описания психологии человека, которые давно следовало бы использовать в психологической науке. Как персонажи из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, так и те, которых мы консультировали, подвергались психологическому анализу, как это происходит в клинике при анализе пациентов. При психологическом изучении нами персонажей романа «Евгений Онегин» прояснились в деталях многие нюансы в области отношений мужчина-женщина, имевшие место ранее, особенно в вопросе причины и повода в проявлении ревности.

Cuvinte-cheie: analiză psihologică; gelozie; invidie; viață; literatura artistică; caracter.

Rezumat

Articolul este dedicat analizei comparative a geloziei abordată în literatura artistică, în special, după «Eugene Oneghin» de A. S. Pușkin. În cercetare am fost ghidați de recomandările din lucrările lui K. Leonhard și Ganushkin - că în literatura artistică există descrieri minunate din abundență ce reflectă psihologia umană care trebuie să fie folosită în știința psihologică. Atât personajele din «Eugene Oneghin» de A. S. Pușkin,

cât și cele consultate de noi, le-am supus analizei psihologice, așa cum se procedează în clinică când se analizează pacienții. În timpul studiului psihologic al personajelor romanului «Eugene Onegin», am clarificat detaliat multe nuanțe în domeniul relațiilor dintre bărbați și femei, în special, cauzele geloziei.

Keywords: psychological analysis, jealousy, envy, life, artistic literature, character.

Summary

The article is dedicated to the comparative analysis of jealousy tackled in artistic literature, particularly in Eugene Onegin written by A. S. Pushkin. In the research we were guided by the recommendations of K. Leonhard and Ganushkin's work - that in the artistic literature, there are wonderful abundant descriptions that reflect the human psychology that must be used in psychological science. Both the characters in „Eugene Onegin” by A. S. Pushkin and those we have consulted were subjected to psychological analysis by us, as it is proceeded in clinics where patients are analyzed. During the psychological study of the characters of the novel „Eugene Onegin”, we have clarified in detail many nuances in the field of relations between men and women, especially the causes of jealousy.

Введение. Идея использовать описание переживаний, реакций, поступков и в целом всей жизни людей в художественной литературе для иллюстрации психологического и патопсихологического состояния пациентов/клиентов психологов, психотерапевтов, психиатров со времен классиков все еще остается недостаточно используемой. Карл Леонгард вторую, большую часть своей монографии «Акцентуированные личности» посвятил персонажам художественной литературы, подвергая их психологическому анализу наравне с тем, как это делают в клиниках при разборе реальных пациентов. Он писал: «В художественной литературе мы в изобилии находим замечательные описания психологии человека, которые давно следовало бы использовать в нашей науке. Великие писатели одновременно являются и великими психологами. Особенно убедительные результаты дает изучение психологии персонажей литературных произведений при анализе человека как индивидуальности» [2, 32-33]. И далее

Леонгард раскрывает огромное значение для развития психологии художественной литературы и благодаря чему это происходит: «Ни наблюдения, ни беседы с людьми не помогают однозначно описать вариации черт характера, определяющие индивидуальность человека. Зато их можно очень явственно представить себе, если посмотреть на человека изнутри. Именно такую возможность дают нам писатели. Они не только изображают чисто внешние поступки героев, передают их слова и даже высказывания о себе самих, но нередко сообщают нам и то, о чем их герои думают, что чувствуют и чего желают, показывая внутренние мотивы их поступков. Персонажи художественной литературы дают нам любопытнейшие примеры индивидуальных вариаций человеческой психики» [2, с.14]. Другого классика, П. Б. Ганнушкин [1], уже в пограничной психиатрии считает что пациенты которой находятся на границе душевного здоровья и душевного нездоровья, так же применительно к описаниям личностей

в художественной литературе писал: «Наиболее блестящие примеры этой пограничной области представлены (увы) не на страницах учебников (психиатрии и психологии), а либо в произведениях писателей беллетристов, либо в протоколах судебных заседаний» [1, с. 107].

Что касается описания ревности в художественной литературе, то здесь мы находим самые разнообразные ее проявления, начиная – как и в жизни – от самых легких и даже полусутопливых и комичных, и завершая драмами и трагедиями. Сравнивая проявления ревности, описанные в художественной литературе и наблюдаемые в реальной жизни, в т.ч. выявляемые психологами и психиатрами во время консультативного приема пациентов, мы не нашли существенного различия между ними, кроме, разве что, более яркого и подробного описания их писателями, включая множество внешних обстоятельств, а также нюансов проявлений особенностей характера и личностного реагирования, а также мотивации поведения персонажей. И это понятно, т.к. на то они и писатели, что одарены талантом вербализовать на листе бумаги мысли и чувства – свои и персонажей – наиболее точно и выразительно, т.е. находить именно те слова и выражения, глаголы и междометия, без которых и ситуация и образ будут не столь точны. Все это способно, по мнению Леонгарда, так повлиять на восприятие читателями поведения персонажей, что они могут оценивать его как патологическое. «На самом же деле поведение героев есть поведение людей совершенно нормальных» [2, с.7]. Здесь же классик цитирует следующую мысль Ф. М. Достоевского, которая многое объясняет в этом отношении: «Писатели в своих романах и повестях большей частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно, типы, чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком,

хотя они, тем не менее, еще действительнее самой действительности». В то же время Леонгард призывает читателей не обольщаться относительно т.н. нормы у акцентуированных личностей: «Акцентуация – это, в сущности, те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние» [2, с.16], что психолог должен учитывать (соавт. – *курсив наши*).

Психологический анализ ревности в литературной классике имеет в том несомненное преимущество перед клиническими случаями, что позволяет практически неограниченному числу исследователей выразить свое мнение по разбираемому вопросу и таким образом стандартизировать общие подходы и оценки.

Приступая к изложению предмета исследования, с самого начала необходимо определиться с тем, что ревность – ее зарождение, скорость и степень реагирования, развитие дальнейших отношений с объектом ревности – во все времена являлась, и является, следствием, прежде всего, проявлений темперамента и характера человека, в первую очередь, дисгармоничного и акцентуированного, в соответствии с принятыми в конкретной среде – и, разумеется, разделяемыми рассматриваемым индивидуумом, в частности – обычаями, представлениями, установками на отношения мужчина-женщина. Для того, чтобы исследовать как можно полнее самые разнообразные проявления ревности в разных социальных слоях общества и в разные исторические периоды, роль отдельных акцентуированных черт характера человека при этом, а также многочисленных и разнообразных внешних обстоятельств, так или иначе – положительно или отрицательно – влияющих на проявление ревности, а также способов разрешения обусловленных ею конфликтов, нами были выбраны для психологического анализа самые различные литера-

турные произведения разных эпох.

Материал и методы исследования. Исходя из выше изложенного, мы провели психологический анализ ревности в романе в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина

Основным методом исследования являлся клинико-психолого-аналитический, позволяющий соотносить проявление ревности персонажами произведений в соответствии с принятыми в их социальных кругах оценками, реакциями, поступками, действиями, а также диагностировать у персонажей тип характера личности, особенности индивидуального реагирования в окружении множества внешних обстоятельств, тех или иных, способствующих усилению или ослаблению ревности. Так, например, вызов на дуэль (на пистолетах, на шпагах), обусловленный ревностью, был принят в Европе (в т.ч. в России) в XVIII-XIX веках среди дворян. Представители других сословий (крестьяне, купцы, ремесленники) разрешали подобные конфликты иными способами.

В романе в стихах «Евгений Онегин» [3], А. С. Пушкин описывает, как возникла и к какому трагическому финалу привела вспыхнувшая внезапно ревность Ленского к своей невесте Ольге. Чтобы раскрыть истинные причины душевных переживаний, приведших к трагедии, описывает истоки конфликта у участвующих в нем персонажей на многих десятках страниц. В числе этих причин раскрыты особенности характера и мировоззрения у участвующих в конфликте лиц, их привычки: душевная холодность и эгоизм у Онегина, его неспособность пренебречь мнением света даже тогда, когда речь идет о жизни и смерти. его молодого приятеля, и, напротив, чрезвычайная душевная ранимость у Ленского, его радикальные, юношеские представления о чести и неспособность к примирению; даже тогда, когда в конце он случайно узнал, что Ольга

по-прежнему его искренно любит, и у нее не было - и нет - никаких амурных намерений к Онегину. Ленский же оказался человеком неспособным к примирению с приятелем по принципиальным соображениям: решение уже им было принято и следовало наказать заносчивого соседа. Кроме того, что представляет интерес, Пушкин описал, казалось бы, мелкие, ничтожные внешние обстоятельства, связанные с человеком, живущим по соседству с Ленским, которого Владимир избрал своим секундантом. Но именно эта «мелочь», увы, исключила всякую возможность примирения: ...«И здравствует еще донине / В философической пустыне / Зарецкий, некогда буйан, / Картежной шайки атаман, / Глава повес, трибун трактирный...[IV]. Бывало, льстивый голос света / В нем злую храбрость выхвалял; / Он, правда, в туз из пистолета / В пяти саженьях попадал. [V]». Таким беспощадно сатирическим пером Пушкин описывает одиозного Зарецкого.

Вот как Пушкин описывает динамику отношений Евгения Онегина с Владимиром Ленским [2-я гл., XIII]: «Ленский / С Онегиным желал сердечно / Знакомство покороचे свесть. / Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень (Соавт. – здесь и далее подчеркнуто нами) / Не столь различны меж собой. / Сперва взаимной разнотой / Они друг другу были скучны; / Потом понравились; потом / Съезжались каждый день верхом, / И скоро стали неразлучны. / Так люди (первый каюсь я) / От делать нечего друзья».

Вот эта небольшая ремарка, выделенная Пушкиным курсивом, говорит о многом: в первую очередь, о том, что такая дружба «от нечего делать» не может быть крепкой, стойкой, как, например, дружба, в основе которой лежит единство идеалов, духовных ценностей и стремлений. Дружба от нечего делать таит в себе соперничество и постоян-

ную возможность конфликта. Тем более, что эта дружба представляет собой, как правило, союз не равных партнеров. «Сноснее многих был Евгенийж:/ Хоть он людей конечно знал / И вообще их презирал, - / Но (правил нет без исключений / Иных он очень отличал) / И вчуже чувство уважал» [XIV]. «Он слушал Ленского с улыбкой. / Поэта пылкий разговор, / И ум еще в сужденьях зыбкой, / И вечно вдохновенный взор,-/ Онегину все было ново; / Он охладительное слово / В устах старался удержать / И думал: глупо мне мешать / Его минутному блаженству; / И без меня пора придет; / Пускай покамест он живет / Да верит мира совершенству; / Простим горячке юных лет / И юный жар и юный бред» [XV].

Пушкин описывает житейски более опытного, прагматичного и к тому же холодно, высокомерного Онегина, который «от нечего делать» вступил в приятельские отношения с Ленским, будучи время от времени свысока снисходительным к юношескому идеализму, того и не высказывая при этом своего критического отношения. Напротив, житейски наивный и доверчивый Ленский раскрыл свои душевные тайны перед «другом»: «Зато и пламенная младость / Не может ничего скрывать, / Вражду, любовь, печаль и радость / Она готова разболтать. / В любви считаясь инвалидом, / Онегин слушал с умным видом, / Как, сердца исповедь любя, / Поэт высказывал себя; / Свою доверчивую совесть / Он простодушно обнажал. / Евгений без труда узнал / Его любви младую повесть, / Обильный чувствами рассказ, / Давно не новыми для нас» [XIX].

Евгений, будучи холодно эгоистической личностью, он поступал по отношению к чувствительной личности Владимира, как слон в посудной лавке, ни мало не заботясь о ее высокой ранимости. Все это постепенно взращивало в Ленском чувство вражды к своему самоуверен-

ному и вероломному соседу, которого, наконец, необходимо стало поставить на место и отменно наказать.

И вот в начале третьей главы, прощаясь после очередной встречи с «другом» Ленским, Онегин узнает: «Куда? Уж эти мне поэты!» / - Прощай, Онегин, мне пора. / «Я не держу тебя; но где ты / Свои проводишь вечера?» / - У Лариных. – Вот это чудно, / Помилуй! И тебе не трудно / Там каждый вечер убивать?».

Будучи хитрым и эгоистичной личности Онегин старается узнать больше: / Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль / Увидеть мне Феллиду эту, / Предмет и мыслей и пера, / И слез, и рифм *et cetera*?.. / Представь меня». – Ты шутить. – «Нету». / - Я рад. – «Когда же? « - Хоть сейчас. / Они с охотой примут нас».

Онегин в своей типичной манере пренебрежительно отзывается о тепло его встретившей хозяйке и вообще о глупых здешних местах. Пушкин как бы подготавливает беспардонную бестактность Евгения по отношению к «другу» и его невесте. Примечательно, что холодного эгоиста более всего беспокоит, чтобы его здоровью не наделала вреда брусничная вода. / «Скажи: которая Татьяна?» / - Да та, которая грустна / И молчалива, как Светлана, / Вошла и села у окна. - / Неужто ты влюблен в меньшую?» / - А что? – «Я выбрал бы другую, / Когда б я был, как ты, поэт. / В чертах у Ольги жизни нет./ Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне: / Кругла, красна лицом она, / Как эта глупая луна / На этом глупом небосклоне». / Владимир сухо отвечал / И после во весь путь молчал» [III].

Еще бы, получить такой уничижительный щелчок по носу и не оскорбиться?! Так бы и, очевидно, еще активнее прореагировал бы на месте Владимира любой другой молодой человек, а не только чувствительный. Но после беспардонной бестактности Онегина нам становятся понятной в ближайшем буду-

шем уже не пассивное, а активно агрессивное реагирование Ленского на выпад бездушно наглового соседа.

Последующие строфы третьей главы, а также почти всю четвертую главу Пушкин посвящает Татьяне, ее вспыхнувшей девственной любви к Онегину, холодной, хотя и благородной, проповеди к ней пожившего и разочарованного в жизни мужчины (который, по словам Пушкина во второй главе, в любви считался инвалидом). Онегин продолжает предаваться лени и «Тупым кием вооруженный, / Он на бильярде в два шара / Играет с самого утра» [XLIV].

Часто по вечерам к нему заезжает Ленский, и тогда друзья ужинают и оживленно беседуют за бокалом французского вина. «Ну, что соседки? Что Татьяна? / Что Ольга резвая твоя?» / ... / У Ольги плечи, что за грудь! / Что за душа!.. Когда-нибудь / Заедем к ним; ты их обяжешь; / А то, мой друг, суди ты сам: / Два раза заглянул, а там / Уж к ним и носу не покажешь. / Да вот ... какой же я болван! / Ты к ним на той недели зван. – [XLVIII].

Как верно передает Пушкин непридуманно откровенную беседу двух молодых подвыпивших мужчин о женщинах, когда Ленский вдруг вспомнил, что должен был передать Онегину приглашение Лариных.

Испокон веков известно, что состояние подпития, как правило, приводит к ошибочным решениям. Но Ленский: «Он весел был. Чрез две недели / Назначен был счастливый срок. / И тайна брачная постели / И сладостный любви венок» [L].

В пятой главе разворачиваются события, явившиеся поводом для дуэли, на которую Ленский вызвал обнаглевшего в бестактностях своего приятеля Онегина. Но вспомним, что передавая Онегину приглашение Лариных на Татьянины именины, Ленский пообещал своему приятелю «анахорету», что бу-

дут только свои, узкий семейный круг. Примечательно, но трагическим событиям Пушкин, вообще склонный к суевериям, предваряет страшный и вещий сон Татьяны с медведем, чудовищами и Онегиным, убивающим большим ножом Ленского.

Но вот наступает день именин Татьяны «С утра дом Лариных гостями / Весь полон; целыми семьями / » [XXV] и т.д. и т.п. и к тому же полковой оркестр, т.е. все то, чего терпеть не мог разочарованный в жизни мизантроп Онегин. «Траги-нервических явлений, / Девичьих обмороков, слез / Давно терпеть не мог Евгений: / Довольно их он перенес. / Чудак, попав на пир огромный, / Уж был сердит. Но девы томной / Заметь трепетный порыв, / С досады взоры опустив, / Надулся он и, негодуя, / Поклялся Ленского взбесить / И уж порядком отомстить. / Теперь, заранее торжествуя, / Он стал чертить в душе своей / Карикатуры всех гостей» [XXXI]. Но ... « / Подходит к Ольге Петушков, / К Татьяне Ленский; Харликову, невесту переспелых лет, / Берет тамбовский мой поэт, / Умчал Буянов Пустякову, / И в залу высыпали все, / И бал блестит в своей красе» [XXXVII].

« / К минуте мщенья приближаясь, / Онегин, в тайне усмехаясь, / Подходит к Ольге. Быстро с ней / Вертится около гостей, / Все в изумленье. Ленский сам / Не верит собственным глазам» [XLI]. ... «Буянов, братец мой задорный, / К герою нашему подвел / Татьяну с Ольгою; Проворно / Онегин с Ольгою пошел; / Ведет ее, скользя небрежно, / И наклоняясь ей шепчет нежно / Какой-то пошлый мадригал, / И руку жмет – и запылал / В ее лице самолюбивом / Румянец ярче. Ленский мой / Все видел: вспыхнул, сам не свой; / В негодовании ревнивом / Поэт конца мазурки ждет / И в котильон ее зовет [XLIII].

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же? / Да Ольга слово уж дала / Онегину. О

боже, боже! / Что слышит он? Она могла... / Возможно ль? Чуть лишь из пеленок, / Кокетка, ветреный ребенок! / Уж хитрость ведаёт она, / Уж изменять научена! / Не в силах Ленский снести удара; / Проказы женские кляня, / Выходит, требует коня / И скачет. Пистолетов пара, / Две пули – больше ничего - / Вдруг разрешат судьбу его» [XLV].

Всё, в удуше ревностной обиды Ленский скачет домой, заезжая попутно к уже известному нам одиозному соседу Зарецкому, просит быть его секундантом и передать записку с вызовом на дуэль Онегину. Далее события в душе поэта развиваются лавинообразно.

А между тем, «Заметив, что Владимир скрылся, / Онегин скукой был гоним, / Близ Ольги в думу погрузился, / Довольный мщением своим. / За ним и Оленька зевала, / Глазами Ленского искала, / И бесконечный котильон / Ее томил, как тяжкий сон. / Но кончен он. Идут за ужин. / Постели стелют; для гостей / ночлег отводят от сеней / До самой девичьи. Всем нужен / Покойный сон. Онегин мой / Один уехал спать домой» [Глава шестая, I].

И выспался, когда к нему пожаловал Зарецкий. «Он был не глуп; и мой Евгений, / Не уважая сердца в нем, / Любил и дух его суждений, / И здравый толк о том, о сем. / Он с удовольствием, бывало, / Видался с ним, и так нимало / Поутру не был удивлен, / Когда его увидел он. / Тот после первого привета, / Прервав начатый разговор, / Онегину, осклабя взор, / Вручил записку от поэта. / К окну Онегин подошел / И про себя ее прочел [VIII].

То был приятный, благородный, / Короткий вызов, иль картель: / Учтиво, с ясностью холодной / Звал друга Ленский на дуэль. / Онегин с первого движенья, / К послу такого порученья / Оборотясь, без лишних слов / Сказал, что он всегда готов. / Зарецкий встал без объяснений; / Остаться доле не хотел, / Имея дома

много дел. / И тотчас вышел; но Евгений / Наедине с своей душой / Был недоволен сам собой [IX].

/ И поделом: в разборе строгом, / На тайный суд себя призвав, / Он обвинял себя во многом: / Во-первых, он уж был неправ, / Что над любовью робкой, нежной / Так подшутил вечер небрежно. / А во-вторых: пускай поэт / Дурачится; в осьмнадцать лет / Оно простительно. Евгений / Всем сердцем юношу любя, .../ Не пылким мальчиком, бойцом, / Но мужем с честью и с умом [X].

... / Он мог бы чувства обнаружить, / А не щетиниться, как зверь; / Он должен был обезоружить / Младое сердце. «Но теперь / Уж поздно; время улетело... / К тому ж – он мыслит – в это дело / Вмешался старый дуэлист; / Он зол, он сплетник, он речист... / Конечно, быть должно презренье / Ценой его забавных слов, / Но шепот, хохотня глупцов...» / И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!» [XI].

Вот, что во многом не позволило Евгению, осознающему свою вину перед влюбленным юношей, пойти на попятную – мнение общества о чести. Ленский был к тому же настроен весьма враждебно, чтобы наказать «развратителя». «Кипя враждой нетерпеливой, / Ответа дома ждет поэт; / И вот сосед велеречивый / Привез торжественный ответ. / Теперь ревнивцу то-то праздник! / Он все боялся, чтоб проказник / Не отшутился как-нибудь, / Уловку выдумав и грудь / Отворотив от пистолета. / Теперь сомненья решены: / Они на мельницу должны / Приехать завтра до рассвета, / Ввести друг на друга курок / И метить в ляжку иль в висок [XII]», - пишет Пушкин, оставляя дуэлянтам возможность наказания противника ранением или смертью, но здесь, это явственно чувствуется в строках, цена дуэли - смерть.

На этом можно было бы и закончить анализ ревности в «Евгении Онегине»,

если бы не череда психологических нюансов, связанных с нею, и нашедшая логическое завершение в результатах дуэли. Как известно, сенситивный Ленский всю ночь не спал. Только забылся он под утро, как его разбудил злосчастный Зарецкий, и это, заметим, не выдумка поэта, как и то, что Онегин, холодный эгоист, проспал раннее утро и приехал, когда Ленский его уже «давно нетерпеливо ждал». Так оно и бывает в реальной жизни. С позиции нейрофизиологии рассмотрение физического и психического состояния противников перед дуэлью все преимущества были на стороне опытного Онегина, что и отразилось на твердости и быстроте его стреляющей руки и в итоге - на результате дуэли: Ленский был убит наповал.

Заключение. Избегая повторов наших рассуждений в анализе причин и поводов ревности в тексте статьи, отметим, что человек, живя в обществе, как правило, не может не следовать обычаям, нравам, поступкам, принятым в той или иной среде, что на примере множества нюансов взаимоотношений персонажей между собою в высшей степени ярко и правдиво описано А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине». При этом индивид проявляет себя вполне определенно, так или иначе, посредством своего неповторимого характера и жизненного опыта. Так, например, в отличие от злонамеренного поведения высокомерного Онегина, решившего в форме грубой шутки – но не более - «отомстить» Ленскому за то, что тот обещал, что на именинах Татьяны будут только свои, семья Лариных, а оказалось то, чего не терпел Онегин, а Ольга и в мыслях ничего дурного против своего жениха не имела. Более того, она была уверена в своих чувствах к Владимиру, и в его чувствах к ней, доверившись его другу, многоопытному и ловкому танцору Онегину, потенциальному жениху ее старшей сестры. Это потом становится

понятно и Ленскому, когда на другой день он решил напоследок посмотреть на, как он уже считал, кокетку. «Он думал Оленьку смутить, / Своим приездом поразить; / Не тут-то было: как и прежде, / На встречу бедного певца / Прыгнула Оленька с крыльца, / Подобно ветреной надежде, / Резва, беспечна, весела, / Ну точно так же, как была [XIII]». «Зачем вечер так рано скрылись?» / Был первый Оленькин вопрос. / Все чувства в Ленском помутились, / И молча он повесил нос. / Исчезла ревность и досада / Пред этой ясностью взгляда, / Пред этой нежной простотой, / Пред этой резвою душой!.. / Он смотрит в сладком умиленье; / Он видит: он еще любим; / Уж он, раскаяньем томим, / Готов просить у ней прощенье, / Трепещет, не находит слов, / Он счастлив, он почти здоров... [XIV]»

Но маховик запущен, и его не остановить: соседа Зарецкого Владимир уже попросил быть его секундантом, а выстрадавшая Владимиром за ночь установка на дуэль еще более окрепла в нем: «Он мыслит: буду ей спаситель, / Не потерплю, чтоб развратитель / Огнем и вздохом и похвал / Младое сердце искушал; / Чтоб червь презренный, ядовитый / Точил лилеи стебелек; / Чтобы двухутренный цветок / Увял еще полураскрытый». / Всё это значило, друзья: / С приятелем стреляюсь я [XV]».

А. С. Пушкин так многомерно, во множестве оттенков описывает происходящее в романе, как это и происходит в реальной жизни: действует множество не только взаимовлияющих факторов, но и – что важно - возможных быть, что, конечно же, могло существенно повлиять на события: «Когда б он (Евгений) знал, какая рана / Моей Татьяне сердце жгла! / Когда бы ведала Татьяна, / Когда бы знать она могла, / Что завтра Ленский и Евгений / Заспорят о могильной сени; / Ах, может быть ее любовь / Друзей соединила вновь! / Но этой страсти и случайно / Еще никто не открывал.

/ Онегин обо всем молчал; / Татьяна изнывала тайно; / Одна бы няня знать могла, / Да недогадлива была [XVIII]».

Из содержания романа «Евгений Онегин», мы узнаем со слов гениального поэта, как все происходило ранее, до нас. К мысли Леонгарда, что «великие писатели одновременно являются и великими психологами», необходимо, по нашему мнению, еще добавить, что они к тому же, являются и великими документалистами; можно сказать, один к одному передают последующим поколениям читателей достоверно документальные описания происходящего, в том числе и в области таких межличностных отношений, как любовь и ревность, *зависть и ненависть*. С учетом указанных аргументов проводимый исследователями психологический анализ ревности, испытываемой и проявляемой персонажами произведений в литературной классике, является научным.

Что касается характерологической, личностной оценки персонажей романа в стихах, написанного А. С. Пушкиным за сто лет до клинической классификации дисгармоничных личностей П. Б. Ганнушкина [1] и еще более - классификации акцентуированных личностей К. Леонгарда [2], то, несмотря на давность лет, с позиции клинической психологии не представляет большого труда определить их. Двоих из них, Ленского и Онегина мы достаточно подробно проанализировали. Характеру поэта Ленского более всего соответствует экзальтированно-сенситивный тип, по Леонгарду [1], Холодновато-отстраненный и эгоистичный характер Онегина, часто называемого автором чудачком, затворником, путаником, анахоретом, по Э. Кречмеру, не вызывает сомнений при отнесении его к интровертированным/шизотимным и даже шизоидным личностям.

Несмотря на то, что психологическим особенностям характера Ольги и Татьяны мы уделили меньше внимания,

отнесение их к определенным типам личности – разумеется, благодаря яркости и точности пера А. С. Пушкина – не составляет большого труда. Круглолицая, румяная, бойкая, эмоциональная и увлекающаяся Ольга – типичная сангвиничная, аффективно-лабильная личность. Татьяна же - задумчиво углубленная, любящая книгу, постоянная в чувствах, верящая в приметы и толкования сновидений - столь же типичная, но сенситивно-интровертированная личность. Не выдавая своих чувств, она страдает, но при этом, что интересно, не испытывает ревности. Этому содействует отсутствие какого-либо повода в поведении Онегина, остающегося безразлично холодным по отношению к окружающим женщинам, а его танцевальный марафон с ее младшей сестрой Ольгой на именинах не произвел на Таню какого-то особого впечатления. Татьяна знала свою сестру и, не будучи по характеру повышено ревнивой, не могла допустить чего-либо непристойного со стороны Оли. Когда же спустя несколько лет, выйдя замуж и став княгиней, всеми любимой и модной дамой в Петербурге, она встречает Онегина, то ничем не выдает своих прежних и настоящих чувств, ни теплых, ни холодных. Когда же Онегин стал ее преследовать своими частыми визитами, признаниями в любви письменно и устно, Татьяна откровенно, но без всякой драматизации с ним объяснилась: «Онегин, я тогда была моложе, / я лучше, кажется, была, / И я любила вас; и что же? / Что в сердце вашем я нашла? / Какой ответ? Одну суровость [XLIII].

...«Тогда – не правда ли? – в пустыне, / Вдали от суетной молвы, / Я вам не нравилась... Что ж ныне / Меня преследуете вы? / Зачем у вас я на примете? / Не потому ль, что мой позор / Теперь бы всеми был замечен / И мог бы в обществе принести / Вам соблазнительную честь? [XLIV]

...А нынче! – что к моим ногам / Вас привело? Какая малость! / Как с вашим сердцем и умом / Быть чувства мелкого рабом?» [XLV] ... «А счастье было так возможно, / Так близко!.. Но судьба моя / Уж решена. Неосторожно / ... Я вышла замуж. Вы должны, / Я вас прошу меня оставить; / ... Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / И буду век ему верна» [XLVII].

В последних двух строках явственно выражена установка на брак порядочной женщины. Но зададимся вопросом (не простым!) в истинности предшествующей строки – продолжает ли Татьяна любить Онегина? Признавая, в принципе, возможность долгой и даже вечной любви женщины к мужчине, - и, наоборот – в том числе и в анализируемой ситуации романа, считаем необходимым глубоко и всесторонне проанализировать высказанное героиней романа признание. Наш взгляд, является бесспорной вспыхнувшая любовь у юной девушки провинциалки из мелкопоместных дворян к образованному дворянину с манерами столичного джентльмена. Бесспорными являются и переживания Татьяны при отвержении ее любви, но не в форме обиды; она продолжала безответно любить своего избранника; посещала его обитель, его кабинет, читала его книги, находя в них подчеркнутые им места и углубляясь в их смысл. Она долго жила мыслями о своем любимом, и, переболев, исцелилась уже в столице, войдя в высший свет княгиней, женой уважаемого всеми генерала. За несколько лет жизни в Петербурге, общаясь в высшем свете, она приобрела много друзей/подруг, чему способствовали черты ее характера, т.к. она была приветлива, доброжелательна, скромна, открыта, умна

и к тому же внешне мила и красива; ей не были свойственны зависть, мстительность, подозрительность. За несколько лет до встречи с Онегиным в столице она имела возможность рассмотреть и со стороны и поближе мужчин внешне и внутренне похожих на Онегина, и она стала лучше понимать его как личность и его отказ от нее. Не будучи мстительной, она продолжала тепло – но уже не страстно, вспоминать о своих переживаниях в селе и, конечно, об Онегине, отдавая должное его благородному поведению. Словом, Татьяна продолжала любить свои чувства к Онегину, которые испытывала у себя на родине. Но это, заметим, - если быть точным - уже не любовь, а память о ней, теплые и благородные прощальные слова, венчающие роман.

Что касается других немногочисленных персонажей романа, выполняющих вспомогательную, оттеняющую главных героев роль, то все они – за исключением Зарецкого – хотя и описаны кратко, но зато так ярко и рельефно, что без труда можно представить их в реальной жизни.

Библиография:

1. Ганнушкин П. Б. Избранные труды. – Под ред. О. В. Кербилова. – М.: Медицина, 1964. – 292 с.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. – Киев: Вища школа, 1981. – 392 с.
3. Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Л.: Изд. Наука, 1978. – Т. 5. - СС. 5-184.
4. Кречмер Э. Строение тела и характер. – М., 2000. – 208 с. / Печатается по пер. с нем. 7-8 изд., 1930

Primit la redactie 17.04.2019